

Вечный ГКЧП. Андрей Шарый - о досках и обручах истории

Андрей Шарый

1 часа(-ов) назад

 Приоритетный источник в Google

Как человек, который в августе 1991 года состоял корреспондентом запрещенной Государственным комитетом по чрезвычайному положению газеты, трое суток занимался размножением листовок на периодически перегревавшемся копировальном аппарате *Xerox* и их последующим лихорадочным распространением в толпе защитников московского Белого дома, свидетельствую: эти события остаются в моей памяти разве что блеклым пятном, не вызывая ровным счетом никаких эмоций.

Пресс-конференция членов ГКЧП в пресс-центре МИД в понедельник, 19 августа (я тоже, чесслово, наивно тянул руку, намереваясь задать самый главный вопрос, но возможность выпала смелой Татьяне Малкиной), а потом, четырьмя днями позже, "обратное" мероприятие (вывезенный из Фороса Михаил Горбачев явился на сессию Верховного Совета РСФСР в тот же Белый дом, в зал запустили и журналистов, и вот Борис Ельцин публично унизил советского президента, "на

разрядку атмосферы" подписав указ о приостановке деятельности российской компартии) тогда казались мне навсегда меняющими ход отечественной истории судьбоносными событиями. А теперь кажутся всего лишь моментальным сбоем системы, вообще-то обладающей не только очевидными конструктивными изъясными, но и завидными способностями регенерации.

**“ Однажды, в советских
одеждах, империя смогла
собрать себя, теперь
пытается - так же кроваво -
сделать это снова**

Эти способности покоятся на жилистости привыкшего терпеть и терпеть народа и столетиях своеобразного политического опыта, скрепившего воедино самую просторную на свете страну, как обручами дубовую бочку, репрессивным государственным аппаратом. Киянкой,

простукивающей обруча, орудовали и орудуют специальных дел мастера – опричники, агенты охраны, чекисты. Идеология, которой так гордились в СССР и которой в сегодняшней России нет и в помине, играет тут подчиненную роль, важнее всего иного крепкими руками, как флаг, держать власть. Стоит ослабить винт репрессий, стоит лопнуть обручам – и страна, словно бочка, тут же разваливается. О том же свидетельствует международный опыт, вот хотя бы пример профессионально близкой мне Югославии: эту страну учреждали и как триединое королевство, и как федерацию коммунистических республик, но на крутых поворотах истории выяснялось, что машина такой конструкции – из обручей и палок – не способна вписаться в вираж. В XX веке и Россия переживала государственный коллапс дважды, заплатив за недальновидность правителей потерей обширных окраин (кстати, и Смутное время, еще одну попытку разрушить привычную русскую матрицу, спровоцировано ослаблением пыточной власти).

Однажды, в новых советских одеждах, империя смогла пересобрать себя, теперь пытается – так же кроваво – сделать это во второй раз. Может ли в российской истории быть по-другому, или государство, неповоротливое как слон, способно существовать только в раз и навсегда заданном закосневшем величавом обличье? Этот, тоже главный вопрос, признаться, давно меня интересует, и в разные годы в эфире "Свободы" я задавал его разным людям, пытавшимся переделать русское имперское дело в дело демократическое: и тому же уважаемому, но несчастливому реформатору Михаилу Горбачеву, и застрельщику перемен 1990-х Григорию Явлинскому, и кандидату в преемники Борису Немцову, и Елене Боннэр, и Владимиру Буковскому, и шахматисту Гарри Каспарову, ну и всем остальным тоже. Получал ответы разной степени прозрачности и глубины, но во всех сквозили два чувства, одно тревожное и одно наивное: боязнь развала государства и надежда на то, что этого в процессе строительства светлого будущего удастся избежать.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Никто не делает это лучше. Андрей Шарый - о смыслах торжеств

Примерно половина сотрудников моей нынешней редакции по определению не может иметь никакого личного отношения к провалившемуся путчу 1991 года, эти ребята 35 лет назад либо еще не появились на свет, либо были тогда малышами. Если они родом из России, то выросли и вступили во взрослую жизнь при Владимире Путине. Главным профессиональным и жизненным опытом для них пока становится не какая-нибудь победа демократии, а агрессивная война жестокого отечества против своего близкого соседа. Попытка восстановления империи. Вечный ГКЧП, и нет перспективы разрядки атмосферы.

Андрей Шарый – журналист Радио Свобода

Высказанные в рубрике "Право автора" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Андрей Шарый

Этот контент также в категориях

Право автора

Мнения